Стайнер Лина Леонидовна
Германия, Бонн, Институт философии Рейнского Боннского университета Фридриха Вильгельма, руководитель Центра по изучению литературы и философии,доцент кафедры теоретической философии, PhD

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению истории взаимодействия философии и литературы в контексте развития мировой культуры. Прослежены отношения двух сфер человеческой мысли от Античности до современной эпохи. Пристальное внимание уделено европейской и американской философии, в особенности тем направлениям, которые подчеркивали важность обращения к художественному творчеству как в теории, так и на практике.

Ключевые слова: философия, литература, филология, история, интердисциплинарность, компаративистика, континентальная философия.

Как известно, и литература, и философия ведут свое происхождение от мифа. Первые греческие философы (такие как Ксенофан, Эмпедокл и Парменид) были поэтами. И даже Платон, который считал поэзию обманом и хотел изгнать поэтов из задуманной им Республики, в своем творчестве также опирался на мифологию. К счастью, его последователь Аристотель не считал поэтический вымысел вредным для трезвомыслящих граждан. Он стал основоположником литературной теории. Однако «Поэтика» Аристотеля воздвигла барьер между поэтическим творчеством и философией (а также риторикой). Некоторые древнеримские мыслители игнорировали этот барьер. Например, как утверждал М.М. Бахтин, трактат Боэция «Утешение философией» можно рассматривать как сатиру-мениппею [1, p. 27]. Однако в христианизированной Европе академическая философия снова отдалилась от поэзии и превратилась в схоластику. Только гуманисты эпохи Ренессанса начали снова наводить мосты между литературой и философией. Особенно важную роль здесь сыграли М. Монтень, создавший новый философско-литературный жанр эссе, а также Т. Кампанелла и Т. Мор, создавшие жанр утопии. Для гуманистов философствование и литературное творчество были взаимосвязанными процессами.

Четкое разграничение между этими сферами умственной деятельности, которое глубоко внедрилось в сознание образованных европейцев и отразилось на системе образования Нового Времени, произошло в XVII веке., когда возникла современная наука. Р. Декарт, Дж. Локк и их последователи ставили трезвое научное мышление выше поэтического вдохновения. Тем не менее для специалистов в области моральной философии (таких как французские моралисты, Шефтсбери, а также французские, шотландские и немецкие просветители) литература продолжала служить источником информации о человеческой природе. Наконец, в XVIII веке. возникла новая философская область – эстетика, – направленная на изучение таких феноменов, как воображение, вкус, переживания и суждение о прекрасном и возвышенном. Стоит напомнить, что до XVIII века. эти вопросы входили в компетенцию литературной

критики, которая сформировалась как профессия к концу XVII века. Но критика не являлась предметом «школьной» философии.

Профессиональные философы заинтересовались ею только после того, как начался так называемый антропологический поворот, связанный с коперниканским переворотом И. Канта в трактовке познания, а также с возникновением современной философии языка, основой которой явился трактат И.Г. Гердера «О происхождении языка». На рубеже XVIII–XIX веков идеи Гердера подхватили основоположники немецкого романтизма (придумавшие сам термин *Romantik*) братья Ф. и А.В. Шлегели, а также Ф. Шлейермахер и В. фон Гумбольдт. Именно благодаря этим мыслителям феномен поэтического творчества (*poesis*) оказался в центре внимания философии, которая осознала, что мифотворчество и поэзия являются основой человеческого самосознания и саморазвития (того, что по-немецки называется *Selbstbildung*).

Йенский (или ранний) романтизм (*Frühromantik*) справедливо считается эпохой наиболее активного взаимодействия и взаимопроникновения философии и литературы. Немецкие романтики открыто боролись с пережитками схоластики и утверждали, что современная философия, направленная в первую очередь на изучение человека и общества, обязана изучать историю литературы и культуры. Вслед за романтиками Г. Гегель и Ф. Шеллинг выстраивали философские системы, в которых история искусства занимала центральную, а у Шеллинга даже ключевую позицию, ибо высшей стадией развития человечества и природы у Шеллинга являлось художественное творчество.

В это же время возникла и современная филология. Следует отметить, что в большинстве западных стран современные языки и литературы не изучались в университетах до середины XIX века. В рамках университетской программы изучалась лишь классическая филология. Сравнительно-историческая грамматика и литературоведение, в современном понимании этого термина, возникли в конце XVIII века в Германии, где эти дисциплины приобрели исключительно высокий статус благодаря реформе образования, проведенной Гумбольдтом в 1810-х годах, когда он занимал пост министра образования Пруссии. В ходе университетской реформы были созданы кафедры индогерманской и романской филологии. Вскоре возникла и славянская филология. Но если сам Гумбольдт и его современники изучали огромное количество различных языков и литератур, а также писали и чисто философские труды, то уже в следующем поколении возникла специализация. К концу века филология отдалилась от философии и приобрела черты позитивной науки. Этому способствовал также кризис, постигший философию во второй половине XIX века, когда на смену идеализму пришли пессимизм, утилитаризм и позитивизм. К счастью, профессионализация и узкая специализация в академии не стали препоной для многих талантливых ученых.

которым удалось построить поистине интердисциплинарную научную карьеру вне стен академии[1].

Однако было бы несправедливо утверждать, что во второй половине XIX – начале XX веков академическая философия в Германии отвернулась от литературы. Философы перестали писать филологические труды, однако они не перестали вдохновляться литературными произведениями и изучать феномен вербального искусства. В начале XX века в Германии лидировало два философских направления: феноменология Э. Гуссерля и неокантианство. Оба течения создали оригинальные методологии изучения искусства и повлияли на развитие литературной теории. Так, среди учеников и последователей Гуссерля мы находим не только М. Хайдеггера, но и польского философа литературы Р. Ингардена. В то же время корифей Марбургской неокантианской школы Г. Коген (H. Cohen) был научным руководителем М.И. Кагана, ставшего впоследствии интеллектуальным лидером Витебского кружка, в котором сформировался Бахтин. У Когена учился также и Б.Л. Пастернак. Баденская школа неокантианства также помогла сформироваться Ф.А. Степуну, который возрождал романтическую философию жизни.

Феноменология способствовала развитию экзистенциализма, стремившегося стереть границы между философией и литературой, а также между философией и реальной жизнью. Как признавался Ж. Батай, работа Хайдеггера «Что такое метафизика?» («Was ist Metaphysik?») стала откровением для французских интеллектуалов [2, p. 83]. Считая себя последователем Ф. Ницше в борьбе против нигилизма, Хайдеггер стремился к созданию нового постметафизического гуманизма. Его философия уже не противопоставляла себя литературе, а максимально приближалась к ней. Эта новая синергия философии и литературы особенно заметна в творчестве французских экзистенциалистов Ж.-П. Сартра, А. Камю и С. де Бовуар, которые нередко рассматривали одни и те же философские проблемы параллельно в литературных и философских сочинениях. К примеру, Камю посвятил философское эссе «Миф о Сизифе», роман «Посторонний» и пьесу «Калигула» изучению таких экзистенциальных проблем, как отчужденность (alienation) и абсурдность бытия.

Неокантианство, феноменологию и экзистенциализм принято относить к так называемой «континентальной» традиции. Этот термин ввели в употребление англичане. В то время как немцы и французы возрождали и развивали различные посткантианские философские традиции, Б. Рассел (B. Russell), А. Уайтхед (A. Whitehead) и переехавший из Вены в Кембридж Л. Витгенштейн (L. Wittgenstein) развивали аналитическую философию, базирующуюся на логике и философии языка Г. Фреге. С 1930-х годов аналитическая школа доминирует на философских факультетах британских и североамериканских университетов. Что

[1] Например, Ф. Ницше, достигший мировой славы после его ухода с поста профессора Базельского университета, а также (уже два поколения позже) Г. Лукач и В. Беньямин, так и не сумевшие защитить вторую диссертацию (Habilitation), являвшуюся условием для получения профессорской должности.

касается континентальной традиции, то она продолжала развиваться в Западной и Центральной Европе, пройдя через множество различных фаз и достигнув нового расцвета в эпоху постмодернизма. Так, одним из современных интеллектуальных течений в рамках континентальной традиции, является люблянская школа психоанализа и современной философии, которая включает в себя таких мыслителей, как С. Жижек (S. Žižek) и А. Зупанчич (A. Zupančič).

Континентальная философия начала проникать в Америку во время второй мировой войны, когда многие европейские ученые покинули Германию, Австрию и другие европейские страны, где власть захватили фашисты. Так, эмигрировали в США представители франкфуртской школы Т. Адорно (T.W. Adorno) и М. Хоркхаймер (M. Horkheimer), а также близкая франкфуртской школе Х. Арендт (H. Arendt). Возникшая в Нью-Йорке еще в 1919 году Новая школа социальных исследований (The New School for Social Research) стала одним из центров европейской интеллектуальной диаспоры в Северной Америке. Здесь преподавали или читали лекции различные западноевропейские философы и социологи, принадлежавшие к течению, именовавшему себя критической теорией (Critical Theory) и направленному на изучение социополитических и культурных проблем современного капиталистического общества. Это течение с самого начала своей истории (то есть с 1923 года, когда был основан Институт социальных исследований при Франкфуртском университете (Institut für Sozialforschung)) было интердисциплинарным. В него входили философы, социологи, специалисты по политэкономии, литературоведы, такие как Г. Лукач и В. Беньямин, которые не были официальными сотрудниками института, но сотрудничали с ним, а также психолог и психоаналитик Э. Фромм. Всех этих ученых объединяли их политические взгляды (большинство из них были марксистами или, по крайней мере, сочувствовали марксизму), а также стремление сделать философию более практической наукой, служащей интересам современного общества.

Еще одним каналом, через который континентальная философия проникала в США, стали отделения (Departments) сравнительного литературоведения, или компаративистики. Первый в мире Department of Comparative Literature был создан в Йельском университете в 1946 году двумя европейскими филологами-эмигрантами Р. Уэллеком (R. Wellek) и Э. Ауэрбахом (E. Auerbach). Уэллек, сформировавшийся под влиянием Пражского лингвистического кружка, привез в Америку идеи русских формалистов и структуралистов и стал автором одного из первых учебников по теории литературы в англоязычном мире [4]. Ауэрбах, бывший одним из корифеев европейской романистики, представлял филологическую традицию, восходящую к первому филологу-романисту А.В. Шлегелю. Совместными усилиями Уэллек и Ауэрбах создали программу, прославившуюся своим теоретическим уклоном и космополитизмом. Впоследствии отделением заведовал П. де Ман, который сделал Йель одним из мировых центров деконструкции. Так, на протяжении десятка лет Ж. Деррида регулярно преподавал один семестр из двух в Йеле. Вслед за Йелем другие

североамериканские университеты открыли отделения Comparative Literature, которые, по словам Р. Рорти стали «портами ввоза континентальной философии» в Америку [3, p. 137]. Таким образом, завязался диалог между двумя ведущими философскими направлениями, а также между литературоведением и философией, который продолжается по сей день.

Одним из первых философов, рискнувшим соединить эти методологии и жанры в своем творчестве, был сам Р. Рорти (R. Rorty). В книге «Философия как зеркало природы» («Philosophy as a Mirror of Nature», 1979), Рорти утверждал, что современной философии не стоит пытаться познать абсолютную истину. Основная цель философии – это изучение человеческой культуры во всем ее многообразии. Именно такой герменевтический подход к философии способен расширить наши познания о мире и облагородить человечество. Десять лет спустя в книге «Contingency, Irony, Solidarity» (1989) Рорти писал об иронии как наиболее честной мыслительной стратегии нашей эпохи, разочаровавшейся в телеологических нарративах, которыми была богата философия истории. Согласно Рорти, честный философ не может быть провидцем. Он может лишь интерпретировать реальность и выступать в роли интеллектуального эксперта. То же самое относится и к авторам художественной литературы. Они, как и философы, пытаются понять этот мир с определенной исторически обусловленной точки зрения. Поэтому для Рорти не существует принципиального различия между философией и литературой.

Рорти часто называют (да и сам он себя называл) неопрагматиком. Хотя он и делал свои первые шаги в карьере как аналитический философ, но скоро увлекся идеями У. Джеймса и Дж. Дьюи. На мой взгляд, его поворот в сторону литературы также был обусловлен влиянием классического прагматизма. Ведь У. Джеймс был не только старшим братом писателя Г. Джеймса, но и знатоком литературы. В частности, он был одним из поклонников Л.Н. Толстого, о котором неоднократно писал. Можно смело утверждать, что прагматизм, возникший задолго до аналитической философии, подготовил американскую аудиторию к восприятию идей Ницше, Хайдеггера и других европейских философов, выступавших против метафизики.

В настоящий момент сближение литературоведения и философии осуществляется не только под эгидой неопрагматизма, возникшего с легкой руки Рорти. Уже в середине XX века зародилась (точнее, возродилась) традиция моральной философии, отвергавшей этику Канта с его абстрактным пониманием человека как рационального субъекта. Такие философы, как Б. Вильямс (B. Williams) и М. Нуссбаум (M. Nussbaum) смотрят на этического субъекта как на человека, наделенного не только разумом но и чувствами, чьи поступки обусловлены различными социально-историческими факторами. Такому пониманию человека Вильямс и Нуссбаум научились у древнегреческих поэтов и трагиков. Нуссбаум считает себя также последовательницей Аристотеля и традиции moral sense, к которой принадлежали Шефтсбери, Д. Юм и А. Смит.

В XX веке также возродился платонизм. В англоязычной философии одной из наиболее известных философов была А. Мёрдок (I. Murdoch). Она также испытала на себе влияние экзистенциализма. Как большинство французских экзистенциалистов, Мёрдок совмещала карьеру писателя с философской работой. Наконец, говоря об англоязычных философах, писавших о литературе, нельзя не упомянуть С. Кавелла (S. Cavell), прославившегося своими прочтениями Шекспира, которого он рассматривал, как представителя нового скептицизма, возникшего в эпоху Ренессанса. В частности, согласно Кавеллу, Шекспира волновала проблема непроницаемости чужого сознания.

Сегодня в англоязычной, а также в западноевропейской академии продолжают развиваться и неоэкзистенциализм, и неопрагматизм, и возрожденная М. Нуссбаум сентименталистская философия. Наметилось и несколько новых тенденций. Например, в конце прошлого века появилась так называемая аналитическая философия литературы, направленная на изучение литературного языка как особого рода языковой игры, а также механизмов художественного вымысла (fictionality). Тем временем пришла в упадок литературная теория. Однако многие из прославленных теоретиков литературы не сдали позиции и продолжают искать новые методологии, позволяющие поддержать престиж литературы и литературоведения в эпоху дигитальной революции. Так, например, один из самых известных британских критиков и теоретиков литературы Т. Иглтон (T. Eagleton) в книге «Литературное событие» («The Event of Literature», 2012) вступил в диалог с аналитической философией. Станет ли этот диалог между теорией, основанной на критическом анализе текстов, и философией литературы, выросшей из аналитической философии языка, толчком для возникновения новых научных парадигм, покажет время.

Литература и источники

1. *Bakhtin M.M.* Epic and the Novel // The Dialogic Imagination / Ed. M. Holquist. Trans. C. Emerson and M. Holquist. Austin: University of Texas Press, 1981. P. 3–40.

2. *Bataille G.* Oeuvres completes. T. 11. Paris: Gallimard, 1988. – 593 p.

3. *Rorty R.* Philosophy without Principles // Against Theory: Literary Studies and the New Pragmatism / Ed. W.J.T. Mitchell. Chicago: University of Chicago Press, 1982. P. 132–138.

4. *Wellek R., Warren A.* Theory of Literature. New York: Harcourt, Brace, and Co., 1948. – 374 p.